

ТАН <В. Г. БОГОРАЗ>

А. Ф. Керенский. Любовь русской революции

Керенскому давали различные определения. В первые дни переворота его называли «Светлым юношей Революции». Кстати же, ему всего 36 лет от роду, а выглядит он лет на 10 моложе. И 29 апреля, на заседании съезда делегатов с фронта¹, во время его поистине трагической речи, один из солдат в страшном возбуждении воскликнул: «Да здравствует гордость России».

Я бы назвал его «Любовью Революции», первой девственной любовью.

Великая Русская Революция поллюбила этого «светлого юношу» с первого дня, когда ее собственные юные глаза еще не были омрачены заботами и путь ее стлался величественным праздником по улицам, при кликах возбужденного народа, и красные лебеди только — что шитых знамен реяли в воздухе. Праздник был короток. И вот, через два месяца, торжественный путь Революции уже превращается в Голгофу. На том же заседании 29 апреля мы услышали из уст Керенского ужасное признание: «Я жалею, что не умер тогда — два месяца назад».

Не напрасно это заседание превратилось в диалог Керенского и Церетели. Керенский и Церетели — это как два живые символа. И оба они представляют высшее живое достижение, высшее олицетворение обеих социалистических партий России: социал-революционной и социал-демократической.

Керенский является высшим типом «эс-эра». Он яркий представитель того поколения героев, которые бросали в борьбу личное бесстрашие свое, напряжение своего духа, высоту своего подвига. Таков был Каляев², таков был Сазонов³...

И с полным правом Керенский сказал делегатам с фронта: «Людей, которые в дни старой власти шли на смерть, таких людей не запугать!» <...>

Началась Революция. С первой минуты Керенский сливается с ней. Эта стройная, гибкая фигура, хрупкая с виду, скромная, даже застенчивая и все-таки таящая в себе вулканический огонь, становится как бы воплощением Революции, гением, духом, сидящим в ее кипучей глубине и направляющим ее действия с инстинктом всегда безошибочным и как бы божественным.

Вот в ночь на 27 февраля, получив сведения о роспуске Думы, предстоящем на утро, он убеждает товарищей, лично и по телефону, не расходиться, не подчиняться последнему насилию, ибо нет другого выхода, кроме революции. И на утро совет старейшин принимает знаменитое решение. Гос[ударственная] дума навсегда разрывает с правительством, которое обогрило себя народной кровью...

Вот подходят восставшие войска. Керенский встречает их первый и обращается к ним с речью. Он же приводит в Гос[ударственную] думу первый караул революционной армии. Солдаты взволнованы, даже руки у них трясутся. Керенский берет разводящего за руку и ведет за собой, успокаивая: — «Милый, не волнуйся, спокойнее!»

Проходят напряженные часы, превращаются в день. Керенский не ест и не спит. Он весь — действие. Являются, являются полки. Вливаются один за другим в Государственную думу. Дума, как тигель высокий и крупный, а живая толпа, как живое вещество, в котором нарождается новое движение, новое сознание.

Керенский служит кудесником, жрецом, заклинающим магом этого чудесного процесса. Он говорит и дает посвящения человеческой толпе в новую революционную религию. А трибуной служит ему груда мешков с провиантом, ящики с кладью, наваленные в Думе солдатами. Солдаты его просто поднимают на плечи и крепкие солдатские руки поддерживают его все время, пока он говорит.

Он говорит, и слова его такие простые и вместе пылающие, доходящие до самого сердца:

— «Вы пришли сюда дать клятвенное обещание, что Россия будет свободной». — «Клянемся!» — отвечают солдаты и граждане, подняв руки вверх.

В жуткие дни 20–21 апреля я слышал на площади у Мариинского дворца такой разговор солдат из числа протестовавших против Временного правительства.

«Временное правительство ругай сколько хочешь, а Александра Федоровича Керенского не смей трогать! А за него свою кровь пролью!..»

Так протекают дни Керенского. А с вечера, когда толпа схлынет, начинается работа еще более ответственная, работа организационная, государственные и вместе военная. Спать совершенно некогда.

— «Я не спал четыре ночи, — рассказывает он мне, — только на час или на два впадая в полубоморочное состояние».

Керенскому принадлежат наиболее важные решения. С присущей ему смелостью он в первый же день единения с войсками, 27-го февраля, отдает распоряжение об аресте Щегловитова⁴, Протопопова⁵ и Штюмера^{6/7}

Он посылает военную экспедицию для того, чтобы захватить министров поверженного строя в Мариинском дворце⁸. Их постепенно отыскивают, не оптом, а в розницу, привозят на автомобилях, на простых грузовиках. Сводят в Государственную думу сановников и штатских генералов, полицейских приставов и простых фараонов. Дума наполняется пленными. Депутаты ворчат с непривычки: — «Ведь это законодательное учреждение, а не арестный дом».

Керенский быстро находит выход: — в арестный дом надо превратить Министерский павильон. Это — место экстерриториально, ревниво отделенное от Думы. Министры устроили его только для собственного пользования. Пусть же они и пользуются им.

С этой минуты Керенский фактически становится генерал-прокурором революции, блюстителем ее правосудия и стражей ее пленных.

Он лично встречает министров одного за другим. Газетная легенда успела расцветить эти встречи эффектными подробностями.

Иные из этих подробностей я должен опровергнуть со слов самого Керенского. Например, будто бы Щегловитов назвал Керенского: «Ваше превосходительство!», и сказал ему: «Слушаюсь!». Этого не было. И тот еще более знаменитый рассказ о том, будто бы Протопопов сообщил Керенскому планы расположения пулеметов. Этого тоже не было.

Протопопов, действительно, сказал, что хочет переговорить с Керенским по важному делу. Но он не сообщил ничего особенного важного, только жаловался, что Бог наказал его, что он хотел добра, а вышло зло. Верный себе до конца, он рисовался и разыгрывал принятую им на себя бессмысленную роль. Он указал, между прочим, что в его несгораемом шкафу хранятся очень важный

шифр, но когда явились к нему на квартиру, шкаф был взломан, и бумаги исчезли.

Революция шагает вперед. Составляется Временное правительство. Необходимо привлечь к участию в нем хоть одного из вождей демократии не в качестве заложника, как писали газеты, а в качестве лучшей опоры, в качестве моста от цензовых элементов к народной массе.

Керенский быстро решается. Повинуясь своему революционному инстинкту, он делает, в сущности, первый шаг к коалиционному министерству, к тому коалиционному министерству, которое теперь является для нас, быть может, последней ставкой...

Вот он является в Совет рабочих и солдатских депутатов. Став на стол, он произносит следующее внеочередное заявление⁹:

— «Товарищи, я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности! Товарищи, доверяете ли вы мне?..

— В настоящее время образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра юстиции!..

— Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут и не имел возможности получить ваш мандат...»

Как характерно для Керенского это «внеочередное заявление», это решение «принятое в течение пяти минут».

— «Товарищи, в своей деятельности должен опираться на волю народа, — продолжает Керенский. — Я должен находить в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе?..

— Товарищи, в тот миг, когда вы усомнитесь во мне, убейте меня!»

Как это хорошо, как смело и искренне вместе! Но не каждый способен так говорить... Из всех современных деятелей только Керенский способен так говорить с Революцией лицо к лицу, взгляд к взгляду.

И вот Керенский — министр юстиции. В этом новом, страшно ответственном звании он проявляет необычайные, неожиданные способности. Ему принадлежит самые благородные лозунги, самые счастливые речения молодой растущей Революции.

— «Граждане! Честь нации требует, чтобы первые святые дни свободы не были омрачены насилиями, хотя бы и вызванными естественным возбуждением граждан!..

— Я счастлив, что мне пришлось подписать приказ об отмене смертной казни навсегда!..

— Я счастлив, что на мою долю выпало передать в учреждение, созданное гением Великого Петра¹⁰ (Сенат¹¹), для охраны права и законности, акты первостепенной государственной важности.

— Я не хотел бы экстренными мерами омрачать нашу общую радость»...

Поучительно отметить эту словесную дань культурного человека гению Великого Петра, этого свирепого и могучего революционера на троне. Не в пример другим, Керенский ясно сознает различие между Петром Великим и ничтожным Николаем Романовым¹².

Любопытно отметить в этих ранних речах первых дней Революции изъявление радости: «я счастлив», «я доволен», «наша общая радость». Но по мере того, как положение осложняется, эти радостные слова исчезают из словаря Керенского...

На своем новом посту Керенский оказался способным, — я бы сказал, — удачливым министром юстиции. Юстиция это, кажется, единственное ведомство, которое не стонет от разрухи переходного времени. Первые приказы Керенского оригинальны, даже неожиданны, но идут прямо к цели. Это истинные революционные приказы, в лучшем значении этого слова.

Например, приказ № 1.

— «Поручается академику Академии наук Н. А. Котляревскому¹³ вывести из Департамента полиции все бумаги и документы и поместить их в Академию наук».

Строгие юристы указали, что этот приказ министра юстиции поручает служащему Министерству народного просвещения сделать выемку из учреждения Министерства внутренних дел.

Но именно в этом революционном смешении ведомств и состоит истинное достоинство приказа.

Или знаменитый приказ № 2 — о временных судах, которые до сих пор являются лучшим из временных учреждений нашего революционного строительства.

В качестве генерал-прокурора, охраняя арестованных представителей старого режима, Керенский проявляет необычайный такт, изумительную выдержку. И вот почему он имел право заявить публично, что представители старой власти содержатся строго, более строго, чем содержались заключенные при старом режиме, — и мудро предоставил оратору, непосредственно следовавшему за ним, указать, что излишняя строгость и месть представителям старого строя недостойны Великой России. И в то же время он объяснил делегатам с фронта, что Петропавловская крепость не зверинец, чтобы приходиться туда глазеть на заключенных.

Если позволяет суровая необходимость революционного времени, Керенский всегда склонен к благородному, душевному порыву. Он отдает справедливость даже и врагу.

Например, памятная сцена отречения Михаила Романова¹⁴. Делегаты Временного правительства вели с Михаилом Романовым переговоры по двойственной линии. Керенский твердо боролся против регентства и всякой монархической кандидатуры. И когда, наконец, Михаил, утраившись ответственности, подписал отречение, с виду условное, а на деле окончательное, Керенский вспыхнул, подошел к нему и сказал: «Вы поступили, как честный человек!».

Этот эпизод теперь составляет уже пережитое прошлое. Но тогда это был острый и ответственный момент. И вся революционная Россия чувствовала то же, что чувствовал Керенский.

Сделавшись министром, Керенский остался по-прежнему прост и доступен. Когда он пожимает руку сторожам и курьерам, это не только красивый жест, это естественная вежливость, свойственная каждому порядочному человеку, каждому истинному джентльмену. Ибо Керенский джентльмен, в лучшем демократическом смысле этого слова.

И когда он говорит канцеляристам и курьерам: «Даю вам слово, что впредь вы будете пользоваться всеми правами, которые подобают русским гражданам», — это слово действительное, слово немедленно претворяется в действие.

При всем недостатке свободного времени, Керенский все же находил возможность устраивать ежедневные приемы для просителей.

Вот приходят депутации с просьбами и требованиями: — от общества эсперантистов-социалистов, от группы анархистов, от реквизированных рабочих туркменов и сартов, ныне отпущенных и желающих уехать на родину. Он терпеливо выслушивает приветственные речи, пожимает протягиваемые руки, удовлетворяет законные просьбы, требования переводит на почву возможного компромисса. Потом начинает обходить длинную очередь ждущих, — длиннее, чем очередь за хлебом, — расспрашивает каждого о сущности его просьбы или жалобы.

Поражает его способность схватывать быстро, на лету, сущность дела. За ним неотступно следует два секретаря. И он диктует им поочередно пометки и решения.

Таков Керенский, как министр юстиции Ее Величества Российской Революции.

В этот двухмесячный период в революционной карьере Керенского прежде всего выдается его удивительная чуткость. Он не только светильник, он как бы барометр революции. Весь он как будто

музыкальный инструмент, который повторяет ежедневно тон Революции. И каждый диссонанс тотчас же отражается в душе его протестом и страданием.

И все-таки этот двухмесячный период является для Керенского только подготовительным этапом. Революция как бы избрала его для более ответственной роли. Она возложила на плечи его самую тяжелую ношу.

— «Непосильное бремя положила Революция на мои плечи», — сказал он на митинге черноморцев.

Он не является больше «светлым юношей Революции», ее первой любовью. Он словно возмужал и вырос. Он становится как бы духовным центром Революции, ее ответственным вождем. Голос его озвучит чем-то пророческим, пророчит возможную гибель, пророчит надежду. Его революционный инстинкт еще более обостряется. И облик его выявляется ярче и полнее и приобретает характер трагический и жуткий.

Заседание съезда делегатов с фронта 29 апреля явилось как бы поворотным пунктом революционной деятельности Керенского, а может быть, также поворотным пунктом самой Революции.

Здесь впервые демократия услышала в яркой, ничем не прикрашенной форме: — «Отечество на краю гибели!» — «Надо спасти его от гибели!».

Мало того, Дух Революции как бы на минуту отделился от демократии, противостоял ей и смело бросил ей тяжелый упрек: «Кто вы: сознательные граждане или взбунтовавшиеся рабы!»

И наиболее чуткий из всех присутствовавших, Церетели тотчас же почувствовал силу упрека и откликнулся: «О какой демократии вы говорите! Я полагаю не о той, которая организована в С. Р. и С. Д.»

Прямым последствием этого диалога явилось то, что организованная демократия С. Р. и С. Д. действительно стала ответственной демократией, приняла на себя ответственность и вступила в коалиционное министерство.

В начале революции Керенский сделала первый шаг к коалиционному министерству, теперь он побудил других сделать тот же шаг по тому же пути. Его революционная воля явилась как бы возбудителем этого нового перемещения революционных сил. Поэтому совершенно естественно, что в новом министерстве на долю его выпала самая трудная, самая ответственная роль. И вот он является пред нами военным и морским министром Революционной России в самый критический период ее новой жизни.

Вся психология его меняется как будто по волшебству. Вместо отчаяния и скорби является уверенность в себе, уверенность в успехе:

— «Я уверен, что вернувшись с фронт, не буду разделять пессимистических взглядов, выраженных главнокомандующими, — заявляет он в первый же день вступления в должность.

— Прочь уныние, маловерие, разочарование! — говорит он на съезде офицерских депутатов, — сила революции, есть сила ее энтузиазма!»

В речах Керенского проявляется что-то экстатическое, — я сказал бы, — что-то зачарованное, загипнотизированное Революцией и вместе гипнотизирующее и других, и притом гипнотизирующее неотразимо.

Керенский сразу становится вождем армии, одновременное как будто по призванию и по общему признанию.

«Закрыв глаза, не моргнув, по первому зову русская армия и флот пойдут за министром Керенским», — заявляет черноморский матрос Баткин¹⁵.

— «Пусть он возьмет нашу волю и направит ее туда, где она нужна для блага России», — вторит ему полковник Гуцин, председатель офицерского съезда.

Речь Керенского звучит решительностью, суровой требовательностью:

«Я буду настойчиво требовать всей силой власти революционного народа подчинения всех дисциплине. Я никогда не был на военной службе и не носил военного мундира. Но я привык к железной дисциплине революционной партии. У нас тоже были “офицеры” и “солдаты”, но все были равны. По слову вождей наших мы были готовы отдавать без ропота жизнь».

Он призывает к защите государства голосом имеющего власть:

— «Под революционным знаменем мы пойдём отдать на защиту государства и народа все свои силы и жизнь до последней капли крови. Солдаты и офицеры, все прошлое и тени погибших за свободу идут вместе с вами! Их жерл наших пушек загремит власть свободы. Вы понесете на концах штыков мир, праву и справедливость».

Великая русская Революция вообще не похожа на великую французскую революцию, как русская марсельеза не похожа на французскую. Но Керенский фигура как будто из другого мира, фигура из Конвента. Его речи, его приказы — словно приказы по французской революционной армии 1793 года, тоже стоявшей тогда перед «кайзерлихами» и прочими немцами.

И все-таки Керенский — русский. Он рожден и обвеян русской Революцией. В каждом его слове дышит ее пафос, пылает ее пламя. И пламя это рождает надежду великую, но, может быть, единственную...

Не надо обманывать себя. До сих пор Керенский стоит одиноко. Мы не имеем не только равных, но также и подобных ему. И еще невозможно сказать, является ли он первым из новой революционной серии или, напротив, последним из серии дореволюционной, последним революционером минувшей эпохи, чудесно донесшим в настоящее свою неистраченную силу.

Слишком очевидно его кровное родство с плеядой великих талантов, которые когда-то создали «Народную волю» и потом возродили из пепла ее более молодое продолжение. Так мало бывает и у народа политических талантов, и так беспощадно их выщелачивал из русского народа проклятый царизм... Сто лет выщелачивал и складывал в каменную банку на Шлиссельбургском острове. И там превращались таланты в гашеную известь, какой засыпают трупы казненных. И после этого столетнего злодейства мы стали политически нищим народом, болтливым и убогим. И в эту минуту насущной нужды почти нет у нас вождей, есть только ораторы, есть политические доктринеры и политические разгильдяи, — по всему политическому фронту от партии каде до группы анархо-кшесинцев.

Керенский — это дивное чудо, последний уцелевший. И есть что-то жестокое в том, что мы навалили на плечи этого слабого здоровьем человека всю нашу революционную тягость, ту самую «тягу земную», которую было не под силу поднять даже богатырю Святогору¹⁶. С первого дня Революции голосом первой роты восставших солдат мы вызвали его на улицу из Гос[дарственной] думы и теперь вместо одной роты отдали ему всю армию и флот от тыла до самого фронта.

Из нашей коллективной слабости духовной, действием противоположности, мы создали ему духовную силу. Так некогда французы, не в эпоху великой революции, а в такую же эпоху лихолетия, как у нас, создали Жанну Д'Арк¹⁷ и послали ее к фронту для победы над грозным насильником.

И подвластный нашему общему внушению Керенский как бы удваивает, утраивает свою силу. Он словно раздвояется сам. Он одновременно появляется в разных местах. Вот он в Свеаборге, на следующий день в 9 часов тура снова в Петрограде, а в 12 часов пополудни уезжает на западный фронт. Но как же он успел заскочить по дороге

во второй Балтийский экипаж, чтобы передать и ему частицу своей воли, частицу своей силы!..

Керенский во флоте. Он взбегает на дредноут по трапу, как старый морской волк, и сразу безошибочно находит свое место на мостике, — «точно он всю жизнь провел на военных кораблях», — говорят корреспонденты. Он действует с точностью сомнамбулы, он исполняет внушение всех этих чужих мыслей, властно посылающих его на предназначенное ему место. Он не ошибается. Он не ошибается, пока будет расти Революция.

Он действует на всех. Покоряет большевиков. Заставляет вчерашних пораженцев кричать: «Да здравствует наш министр без погон!». И после того строптивые матросы добровольно возвращают погоны полупленным офицерам.

Вот он выступает на митинге. С минуты готовится к речи, полукрывает глаза и словно заглядывает внутрь себя, словно прислушивается к какому-то невидимому голосу. Этот невидимый голос есть голос Революции. Нимфой Эгерией¹⁸ служит Революция Керенскому. Он вступает с ней в личное интимное общение.

А вот, выступая перед солдатами, он проходит по фронту полка и заглядывает им всем в глаза, гипнотизирует их взглядом и сам что-то заимствует из этих возбужденных внимательных глаз. Он подчинил их себе и из их коллективной воли к подчинению создал себе властность, которая подействует на них же. Это и есть воплощение слов: «всей силой власти революционного народа».

Внимание народа следует за ним неотступно повсюду. Легенда готова озарить его голову своим мерцающим прожектором. В Свеаборге девочки в белых платыхах подносят ему букет пунцовых тюльпанов.

— «Дорогой Александр Федорович, дети вас любят!»

Романтически настроенные хроникеры сочиняют заранее эскизы исторических пьес из времен Революции, которые будут ставиться через двести лет в освобожденной свободной России. Центральной фигурой этих пьес является Керенский. Видите: вот он стоит на авансцене в своей серой куртке, уже исторической. Правая большая рука в черной перчатке висит на перевязи. По лицу его крупными каплями катится пот...

Пождите, господа сочинители! Дайте ему не то, чтобы сделать, а только начать его трудное дело. Тяжко ему, быть может, этот пот, текущий по лицу его, есть пот кровавый. Теперь не время для легенд, теперь время для страдной работы!

— «Революция — не праздник. Революция — это страшный труд, это напряжение всех сил», — говорил он недавно.

* * *

Деятельность Керенского в Военном министерстве едва началась. Но приказы его также неожиданны и революционно-действенны, как прошлые приказы его по Министерству юстиции.

Приказ 5-го мая: «Отечество в опасности! Никаких просьб об отставке высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности, я не допущу».

Приказ 15 мая: «Самовольно покинувшие ряды дезертиры должны вернуться в установленный срок» (15 мая).

«Нарушившие этот приказ будут подвергнуты наказанию по всей строгости законы».

Керенский нашел для всех дезертиров, и высших и низших, общую демократическую скобку.

Он рассыпает щедрой рукой производства и награды в ожидании того, что ему придется, быть может, еще более щедро рассыпать и взыскания.

— «Солдаты! В лице вашего командира приветствую вас от имени Временного правительства. А вас, полковник, поздравляю с чином генерал-майора. Вех же подпрапорщиков первого полка произвожу в прапорщики. Да здравствует свободная русская армия!»¹⁹

Можно подумать, что он уже лет сорок состоит на военной службе и сам прошел все это производство — от подпрапорщика до генерал-майора.

Таков этот небывалый штатский министр без погон русской революционной армии и флота. Гляжу на лежащий передо мной портрет, вспоминаю знакомые черты бледного уставшего лица. В широко открытых глаза таится что-то львиное. В этой тонкой и хрупкой фигуре есть что-то бронзовое. Керенский работает без устали, горит в работе, горит в Революции. Можно сказать, сгорает на глазах, как факел Революции. Но если встревожить, разгневить эту мягкую и деликатную душу, львиное рыкание вырывается порой из его груди. Самый звук его голоса звучит неожиданным львиным раскатом.

— «Солдаты! Вы умели стрелять в народ, когда старая власть этого требовала. Почему же у вас теперь нет терпения?»

Керенский как-то сказал, что он не хочет быть Маратом²⁰ русской Революции. Он, разумеется, ничуть не похож на Марата. И так же мало он похож на Дантона²¹ или на Робеспьера²². Но все-таки из всех фигур русской Революции он самая эффектная. Я сказал бы «самая

эффектная», — если бы А. Ф. Керенский не был до такой степени чужд какой бы то ни было аффектации, не был бы так прост и естественно скромен.

Та эффектность, какая есть у Керенского, эффектность — чисто русская. Ибо ее сущность и движущая сила заключается в искренности и полной задушевности, в какой-то невыразимой привлекательности. Действенность его замечательного красноречия — тоже типично русская. Он говорит, как думает, как чувствует, без всякого усилия. И пафос его безыскусственных слов как будто рождает детонацию в душах толпы, взрывает там незримые залежи энтузиазма.

Пламя его речи — это более жгучее пламя, чем яркое пламя. Это не желтый огонь и не красный огонь. Это — белый огонь, в котором царства земные сгорают, как солома, — добела раскаленный огонь Российской Революции. В этом белом огне сгорело царство Николая Романова.

Я кончаю, как начал. Никто не знает, что сделает, что сможет сделать Керенский на фронте и в тылу. И что сделает на фронте и в тылу сама Великая Российская Революция.

Но в историю ее первых юношеских дней образ Керенского вписан неизгладимыми, несравненно привлекательными чертами.

«Первая Любовь Революции»... У Русской Революции будет много любимцев и интимных избранников, но первая девственная любовь молодой России никогда не пройдет, никогда не забудется!..

